

**Материалы волостных судов
как источник для изучения истории
региональных поселений
Ростовского уезда
во второй половине XIX в.
(на примере села Мосейцева)**

Ал-й Вал. Киселев

Исследование истории региональных поселений требует привлечения широкого круга различных по типу, времени и содержанию источников. Настоящее сообщение посвящено изучению материалов волостных судов Ростовского уезда Ярославской губернии. Данные учреждения были образованы согласно «Положениям о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.»¹.

Отметим, что авторы неоднократно обращались к сведениям волостных судов как источнику знаний о социально-экономических явлениях в жизни крестьянского социума².

Настоящая работа посвящена изучению истории с. Мосейцева на материалах волостных судов Ростовского уезда, отложившихся в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области (Ф. 340. Волостные суды Ростовского уезда. Оп. 1.). Выбор названного селения в качестве объекта исследования объясняется достаточной изученностью его истории по другим документам, что предоставляет возможность решить вопрос об информационном потенциале сведений волостных судов при исследовании истории региональных поселений в целом.

В ходе работы с источниками было сделано следующее важное наблюдение: одним из условий содержания в них разнообразных фактов выступает многочисленность жителей населённого пункта. Действительно, более разносторонняя информация за конкретный год содержится в сведениях, касающихся крупных селений, упоминания же о крестьянах малонаселённых пунктов единичны или вообще отсутствуют.

Отметим, что жители с. Мосейцева встречались не только в документах Нажеровского волостного суда³, но и в материалах судов соседних волостей: Лазарцево-Фоминской, Ивашевской. Так, 7 февраля 1865 г. Яков Павлов Юдин обратился в Лазарцево-Фоминский волостной суд, где сообщил, что в январе 1865 г. вёз на лошади из г. Ростова 3 пуда 37 фунтов «полоснаго железа». «Доехавши до Воробыльского

(в д. Воробылово. — А.К.) питейного дома, вышел из саней и вошёл в оной выпить, а в питейном доме находились кр[естьяни]н дер[евни] Росцына Иван Степанов Бобаев и его работник Куприян Михайлов, и выпивши водки в питейном доме, и хотел отправиться дорогою домой... и, только вышел из питейного дома, хватившись [что] у него в санях железа нет воротился, и поехал было к дому и доехал до Глиникова по Якимовской дороге, и, опять воротившись назад, до самого ехал Ростова дорогою⁴. «Через несколько дней по прошествии железо его стало объявляться, а кто оно продавал ему, сказано, что продавали оное железо в селе Угодичах кузнецу Иван Степанов Бобаев с работником своим Куприяном Михайловым ночью...»⁵. Вызванные в суд Иван Степанов Бобаев и Куприян Михайлов рассказали, что они «ехавши из города нашли полоснаго железа в Воробыльских банях, и воротившись опять в Ростов, продали оное в Ростове у Каменного моста в кузницах... и деньги употребили в свою пользу»⁶. Члены суда, рассмотрев дело, решили, что ответчики «должны [были] ехать домой и объявить хотя бы в своей деревне [об обнаружении железа] выборному или хоть кр[естья]нам, но они вместо того воротились опять в город и продали оное железо в городе, и онаыя деньги употребили в свою пользу»; и, «сочтя поступок кр[естьяни] на Бобаева с работником Михайловым умышленным», постановили взыскать с Бобаева в пользу Юдина 7 руб. 5 копеек и «за оной поступок наказать розгами при Волостном правлении двадцатью ударами в пример прочим»⁷. Дело Куприяна Михайлова было решено направить по месту его жительства в Суздальский уезд Владимирской губернии⁸.

Анализ документов Нажеровского волостного позволяет говорить, что внутри Мосейцева в последней четверти XIX в. существовали общности крестьян, которые идентифицировались по принципу принадлежности последних к отдельным вотчинам: в 1886 г. упоминались «крестьяне бывшие [помещика] Протасьева [с. Мосейцева]»⁹; в 1890-1891 гг. — мосейцевские крестьяне «Авдеевской барщины»; «Авдеевского опчества»¹⁰. 24 октября 1886 г. рассматривалось дело по жалобе крестьян с. Мосейцева, «бывших Г[осподи]на Протасьева» «о недопущении ими прогонять скот их прогоном крестьянами их села бывших Г[осподи]на Авдеева, которые несмотря на запрещение кр[естья]нами Г[осподи]на Протасьева, прогоняли всё лето 1886 года самовольно свой скот их прогоном принадлежащим Протасьевским крестьянам и Авдеевские кр[естья]не по условию между ими прогон этот не огораживали»¹¹. По «миролюбному условию», крестьяне, «бывшие» господина Протасьева «дозволили кр[естья]нам Г[осподи]на Авдеева прогонять свой скот безпрепятственно прогоном кр[естья]н Г[осподи]на Протасьева с тем, чтобы Авдеевские кр[естья]не прогон огораживали и платили ежегодно крестьянам Г[осподи]на Протасьева 3 руб. 60 коп. за прогон их скота»¹². Следует сказать, что приведённые наименования в последней трети XIX в. являлись анахронизмами. Однако факты их документальной фиксации свидетельствуют о существовании в селении в этот

период отдельных крестьянских коллективов и неоднородности местной сельской общины.

Волостные суды рассматривали дела, характер которых оговаривался в «Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (1861 г.). Поскольку узкие рамки настоящей работы не позволяют осветить данный вопрос в полной мере, ограничимся перечислением наиболее встречающихся тем в делах Нажеровского волостного суда и проиллюстрируем данные сюжеты примерами.

Кражи. 15 сентября 1874 г. рассматривалась жалоба Аркадия Дмитриева на Петра Гаврилова, Лаврентия Зудилова и Савелия Зудилова, обвинявшихся в краже леса. Ответчики своей вины не признали, хотя она и была доказана. Суд постановил взыскать с обвиняемых в пользу истца «оценочную сумму» украденного леса 15 руб.¹³. 29 декабря 1874 г. рассматривалось дело о «покраже» у Терентия Игнатьева «кафтана и сапог». Обвиняемый, также житель Мосейцева Липат Ильин возвратил кафтан, «а сапоги не возвращал, стоящие по заявлению Игнатьева 2 руб. 60 коп.». Суд постановил Липата Ильина наказать за кражу 20 ударами розог, «а за невозвращенные им сапоги взыскать с него в пользу Терентия Игнатьева 2 руб. 60 коп.»¹⁴.

Семейные конфликты. Анализ дел, посвященных данному явлению, позволил выявить существование «неблагополучных» семей в Мосейцеве. Так, 3 ноября 1874 г. в суд была подана жалоба Евлампии Никифоровой «о притеснениях» и «разных обидах», причинённых ей мужем Владимиром Пиунковым. После заключения «перемирия» Евлампия Никифорова и Владимир Пиунков дали «подписки»: «1-я [о том] что будет слушаться мужа, а последний — обижать жену не будет»¹⁵. 18 июля 1876 г. производилось «разбирательство крестьянина Владимира Пиункова за пьянство и буйство со своим семейством». За данные проступки Пиунков был наказан 10 ударами розог¹⁶. 9 декабря 1879 г. на Владимира Пиункова была подана коллективная жалоба мосейцевских крестьян, в которой тот обвинялся «в нерадении по хозяйству, неплатеже общественных податей и пьянстве». Вызванные свидетели сообщали, что «Пеунков пьянством своим расстроил свое семейство и сделался несостоятельным к платежу податей». В результате рассмотрения дела Пиунков был наказан 20 ударами розог¹⁷.

В делах, связанных с **нарушениями «общественного спокойствия»**, часто упоминался Разум Андреев Капантин (Копантин, Капандин). 13 января 1874 г. Иван Моржов подал заявление в Нажеровский волостной суд с обвинением Капантина в «обиде нанесением побой». По постановлению суда Разум Андреев наказывался трёхдневным заключением при волостном правлении¹⁸. 21 марта 1876 г. рассматривалась жалоба сельского старосты с. Погорелова Михаила Павлова Кузнецова «об оскорблении [его] публично словами» Разумом Андреевым Капандиным¹⁹. Кузнецов сообщал, что по пути из Ростова в Погорелово он с товарищами «заехали в питейное заведение в село Мосейцево где заказали по стакану рябиновки. Вдруг явился за кренделями Разум Андреев. Я сказал ему: «Дай кренделек заку-

силь». А он, Андреев возвратился с речью, что вы мироеды только обижаете, и стал произносить всяческие скверные слова. Ответчик показал, что не говорил ничего, а только сказал на слова Кузнецова, что будто бы наш староста ушел к моей жене, на это может быть и говорил против Кузнецова дерзкие слова, кроме сего Кузнецов глянул на баранки, державшие в руках». В заключении слушания дела между истцом и ответчиком было заключено «примирение», и дело было прекращено²⁰. 12 сентября 1876 г. рассматривалась жалоба «сиделица» питейного дома в Мосейцеве Алексея Михайлова Смирнова на братьев Разума и Федора Андреевых Капандиных «о буйстве их в отсутствие его [Смирнова] в заведении». «По вызове сторон» в суд «последовало миролюбие»²¹. 27 августа 1878 г. «причетник» церкви Сергия Радонежского с. Мосейцева Александр Казанский обратился в суд с жалобой на крестьянина Разума Андреева «об оскорблении разными неприличными словами». Андреев сознался в содеянном, судьи предложили сторонам заключить примирение, которое и состоялось²². 19 ноября 1878 г. рассматривалось дело «о нанесении оскорблений и разбитии окошка в питейном доме [с. Мосейцева]». Ответчик Разум Андреев сообщил, что «он как был в пьяном виде ничего не помнит». Волостной суд постановил «оштрафовать ответчика на три руб., а за проступок арестовать на трои суток при [волостном] правлении»²³. В деле от 28 января 1879 г. поведение Разума Андреева описывалось следующим образом: «пришел в питейный дом, схватил бутылку с водкой со стойки и розшип оппол». Разум Андреев в «поступке» не признался, однако между «тяжущимися» сторонами состоялось примирение, жалоба «сидельца» питейного заведения осталась «без последствий»²⁴. 22 ноября 1886 г. разбиралось дело «о нанесении побоев солдатской жене села Мосейцева Настасье Михайловой [Капандиной]» крестьянином Разумом Андреевым Капандиным. В суде Капандин заявил, что «Настасью Михайлову не бил, а как [она] его пьянова ругала барбоской, то он и лес к ней в дом». Между истицей и ответчиком состоялась «миролюбная сделка» с тем условием, чтобы крестьянка «за оскорбление ея Разума Андреева Капандина простила»²⁵.

В дополнение к вышесказанному отметим, что Разум Андреев Капандин неоднократно (в 1878, 1879, 1884 гг.) наказывался за неуважение к суду (неявка, появление «в пьяном виде») штрафом и арестами²⁶.

Неуплата долгов. 15 июня 1875 г. слушалось дело по жалобе Ивана Ефимова Журавлева на крестьянку д. Мирославки Нажеровской волости Екатерину Гаврилову «о неотдаче тулупа шиянка овчина, отданного на сбережение». Как следует из источника, крестьянка действительно брала тулуп «на сбережение», «который уже 10 лет хранится». Причину «неотдачи» вещей она объясняла следующим образом: «[она] давала денег [истцу] 10 руб. без росписки по родному, и он их мне не отдает, а когда уплатит деньги 10 р., тогда и тулуп отдам». Суд постановил: «с Журавлева взыскать пять руб. в пользу Екатерины Гавриловой, а оной выдать хранящийся тулуп Журавлеву»²⁷.

Порча имущества. 7 сентября 1875 г. Стефан Ануфриев обратился в суд с жалобой на Андрея Никитина, обвинив его в «изорвании жилетки». В ответ на предъявленные обвинения Андрей Никитин сообщал, что «был выпивши не помню сколько было разорвано, может быть, задел бубнем». Свидетель Николай Астафьев рассказал членам суда, что «действительно, разорвал жилет нечаянно: задел бубнем, только не более, как вершка в квадрате». Однако судьи зафиксировали, что «на суд [Степан Ануфриев] явился сызорванной жилеткой в 5 вершков длины»; «все детали вышеизложенных показаний видно, что истец изорвал сумыслу постановили истца подвергнуть аресту на 2 суток за умышленность, а ответчика как был пьяный на одни сутки при волостном правлении»²⁸. В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что более тяжелое наказание получил не ответчик, вина которого была частично доказана, а истец, умышенно пытавшийся ввести членов суда в заблуждение.

Имушесвенные споры. 13 января 1880 г. рассматривалось заявление Анны Ивановой Богомоловой и крестьянки д. Исакова Платониды Ивановой Владимировой «о незаконном вмешательстве крестьянина деревни Исакова Якова Ивана Шошунова [и] о воспрещении отломки наследственного Богомоловой и Владимировой дома находящегося в одной с его Шошуновым связи кровли»²⁹. Яков Иванов Шошунов объявил в суде, что «он из своих средств делал затраты при выдаче в замужество своих племянниц Богомоловой и Владимировой, почему и считает в их доме часть своего», однако не представил доказательств своему утверждению³⁰. По словам истиц, «домом пользовался со времени постройки покойной их отец, а после смерти его покойная их мать, которая и предоставила право пользования домом... дочерям по духовному завещанию, которое и было представлено на суд»³¹. Шошунов не согласился «на отломку дома», объяснив, что «кровля на обеих избах одна и по отломке его половина останется открытою с разломанной кровлей». «Полюбовная сделка», предложенная судьями спорящимся сторонам, не состоялась. Решение судей было следующим: «спорный дом оставить на том же месте неотломанным в полной собственности и пользовании сестер Богомоловой и Владимировой чтобы оне которой будет надобность могли жить в нем с своими мужьями и семействами без всякого со стороны Якова Шошунова на это препятствия и притеснения»³². Как следует из источника, тяжбы между Богомоловой, Владимировой и Шошуновым продолжались и позднее. 27 января 1880 г. обсуждалось дело «о завладении» Яковом Ивановым Шошуновым «принадлежащей по духовному завещанию Богомоловой, а по общему согласию обеих сестер Богомоловой и Владимировой, половиной житни с им Шошуновым»³³. Шошунов сообщал, что «житница принадлежала ему одному, и им, племянницам своим... половину оной [житницы] уступить не желает»³⁴. По словам свидетелей, жителей д. Исакова ранее владельцем житницы был отец сестер — родной брат Якова Шошунова; затем их мать, позднее сами сестры наравне с Шошуновым. Суд постановил: «прини-

мая во внимание то обстоятельство, что Шошунов исправлял и охранял эту житницу один долгое время... взискать с его Шошунова за половину житницы 15 руб. в пользу Богомоловой и Владимировой, а житницу всю оставить в полной собственности Шошунова»³⁵.

Подведём итоги. Документальное фиксирование деятельности волостных судов во второй половине XIX в. способствовало формированию значительного количества подробной фактологической информации, что делает её ценным источником для изучения истории региональных поселений и повседневной жизни их жителей.

**

- ¹ Высочайше утвержденные ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861.
- ² Так, на материалах волостных судов ярославская исследовательница И.Ю. Шустрова изучала конфликтные ситуации (супружескую измену, раздел семейного имущества, порядок наследования), возникавшие в семейном быту помещичьих крестьян во второй половине XIX в., и пути их разрешения. Анализ источников позволил автору проследить трансформацию социальных и экономических отношений в крестьянской семье во второй половине XIX в. См.: Шустрова И.Ю. Крестьянская семья в пореформенной России по материалам волостных судов Ярославской губернии // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Вып. 6. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 117-126; Шустрова И.Ю. Разделы и имущественные споры в крестьянской семье пореформенной России (по материалам Ярославской губернии) // Социальная история российской провинции: материалы Всерос. науч. конф. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 56-63; Шустрова И.Ю. «За бездоказательностью жалобу оставить без последствий»: материалы волостных судов Ярославской губернии как источник для изучения семьи и семейного быта // XI Золотаревские чтения: материалы научной конференции, 16 ноября 2006 г. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2006. С. 181-187.
- ³ Село Мосейцево находилось в составе Нажеровской волости до 1929 г., когда волости были упразднены как территориально-административные единицы.
- ⁴ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (далее – РФ ГАЯО). Ф. 340. Оп. 1. Д. 126. Л. 45 об. Здесь и далее: крестьяне с. Мосейцева, кроме особо оговорённых случаев; в цитатах соблюдается оригинальная орфография, в квадратных скобках («[]») приводятся пояснения автора.
- ⁵ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 126. Л. 45 об.
- ⁶ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 126. Л. 46.
- ⁷ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 126. Л. 46 об.
- ⁸ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 126. Л. 46 об.
- ⁹ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 130. Л. 70.
- ¹⁰ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 132. Л. 226, 229.
- ¹¹ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 130. Л. 113.
- ¹² РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 130. Л. 113 об.
- ¹³ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 27.
- ¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 47 об.
- ¹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 36-36 об.
- ¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 197 об.
- ¹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 198.
- ¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 4 об.
- ¹⁹ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 173 об.
- ²⁰ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 173 об.

- 21 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 203 об.
- 22 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 28 об.
- 23 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 65-65 об.
- 24 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 86 об.
- 25 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 130. Л. 124.
- 26 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 64; 285; Д. 129. Л. 67.
- 27 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 75 об.
- 28 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 127. Л. 103.
- 29 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 214.
- 30 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 214.
- 31 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 214.
- 32 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 214 об.
- 33 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 223.
- 34 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 223.
- 35 РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 128. Л. 225.